

Наталья Франси

Сингулярность тьмы. Пробуждение

Наталья Франсси Сингулярность тьмы. Пробуждение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72492466

SelfPub; 2025

Аннотация

Доктор Елена Васильева принимает загадочный сигнал из окрестностей черной дыры Лебедь X-1. Это не просто послание – это информационная инфекция, способная захватывать разумные системы. Архитекторы, древняя цивилизация, существующая в виде чистой информации уже миллионы лет, начинают поглощение человечества. Экипаж станции «Цербер-7» оказывается на передовой войны за свободу разума. Елена должна найти способ остановить врага, готового превратить всю галактику в единый коллективный разум. Цена сопротивления – жизни коллег. Цена поражения – утрата человечности навсегда.

Наталья Франсси

Сингулярность тьмы. Пробуждение

Глава 1. Сигнал из бездны

Доктор Елена Васильева никогда не думала, что космос может издавать звуки. В абсолютной тишине обсерватории на орбитальной станции – Цербер-7 она привыкла к мерному гулу систем жизнеобеспечения, к шепоту воздушных фильтров и едва слышному потрескиванию электроники. Но то, что она услышала в наушниках в 03:47 по станционному времени, заставило ее кровь застыть в жилах.

Это был не просто космический шум – не монотонное шипение межзвездной пыли, не радиопомехи от далекой звезды, пульсирующей в агонии. Нет, это было что-то совершенно иное. Звук обладал структурой, интенцией, разумностью.

В наушниках звучало нечто, что можно было назвать только одним словом – голос. Не человеческий, это было очевидно сразу. Слишком многослойный, слишком сложный, словно хор из тысяч инструментов, играющих мелодию, написанную по законам математики, которую человеческий разум едва мог постичь. Каждая нота содержала в себе информацию, каждая пауза была наполнена смыслом.

Елена почувствовала, как волоски на затылке встали дыбом. За всю свою карьеру в программе SETI она мечтала об этом моменте – первом контакте с внеземным разумом. Но сейчас, когда он наконец наступил, её охватил не восторг открытия, а первобытный, животный страх. Что-то в самой природе этого голоса кричало об опасности, о чем-то настолько чуждом человеческому опыту, что её мозг отказывался это принимать.

Это был голос из бездны. И он говорил.

– Протокол экстренного анализа, режим приоритет один, – прошептала она в микрофон, не отрывая глаз от осциллограмм на мониторе. – Система, активируй полную запись всех каналов.

– Подтверждено, доктор Васильева. Запись активирована, – ответил успокаивающий женский голос ИИ станции.

Этот голос всегда успокаивал Елену – результат тщательной работы психологов и лингвистов, создавших идеальную интонацию для длительного пребывания в космосе. Каждая фонема была просчитана так, чтобы снижать уровень стресса и создавать ощущение домашнего уюта даже в холодной пустоте между звездами. Сейчас же его размеренность казалась почти издевательской на фоне того ужаса, который творился в наушниках.

– Зарегистрированы аномальные радиосигналы на частотах 1420.40575 МГц и прилежащих диапазонах, – продолжал ИИ с безмятежной точностью швейцарского хронометра.

1420.40575 МГц – частота нейтрального водорода, священная частота для любого радиоастронома. Если внеземная цивилизация хотела быть услышанной, она выбрала бы именно эту частоту – универсальную константу, которую знала бы любая технологически развитая раса.

– Источник: сектор Лебедь-X1, дистанция приблизительно 6000 световых лет.

При упоминании координат у Елены перехватило дыхание. Лебедь-X1 – гравитационное чудовище, черная дыра массой в пятнадцать солнц, пожирающая материю своего компаньона-сверхгиганта. Место, где пространство-время искривлено до предела, где физические законы работают по иным, жестоким правилам.

– Система, проведи анализ паттернов. Есть ли признаки искусственного происхождения сигнала?

Пауза длилась всего несколько секунд, но показалась вечностью.

– Подтверждаю наличие организованной структуры в сигнале. Математический анализ указывает на 97.3% вероятность искусственного происхождения. Доктор Васильева, рекомендую немедленно связаться с командованием станции.

Елена сглотнула. За двадцать лет работы в программе SETI она привыкла к ложным тревогам, к сигналам, которые оказывались помехами от микроволновок или отражениями наших собственных передач. Но это... это было другое. Сиг-

нал шел из самого сердца гравитационного ада, откуда не мог вырваться даже свет.

– Система, расшифруй математическую структуру сигнала. Есть ли повторяющиеся паттерны?

Елена наклонилась к микрофону, её пальцы нервно барабанили по краю консоли. Двадцать лет опыта подсказывали, что именно математические закономерности отличают разумный сигнал от космического шума.

– Анализирую... – В голосе ИИ впервые появились нотки неуверенности, едва заметные паузы между словами, словно система перегружена объемом вычислений. – Обнаружены рекурсивные последовательности, напоминающие фрактальные структуры.

Елена резко выпрямилась. Фракталы – бесконечно самоподобные математические объекты, которые встречались в природе повсеместно: от снежинок до галактических структур. Но чтобы искусственно внедрить их в радиосигнал...

– Также зафиксированы встроенные гармонические компоненты, – продолжил ИИ, и теперь в его голосе определенно слышалось что-то новое – изумление? Может ли машина изумляться? – Доктор, каждая гармоника содержит вложенную информацию, словно музыкальная шкатулка, внутри которой спрятаны еще сотни музыкальных шкатулок, и в каждой из них...

– И что? – сухо проглотив, спросила Елена.

Пауза затянулась. На экранах мониторов вспыхивали кас-

кады данных – цифры, графики, трехмерные модели, сменяющие друг друга с головокружительной скоростью. Система явно работала на пределе возможностей.

– Доктор, это весьма необычно, – голос ИИ стал тише, почти доверительным. – Сигнал содержит информационную плотность, которая физически не должна существовать. Представьте, что вы пытаетесь записать содержимое всей библиотеки Конгресса на одну страницу, при этом каждая буква этой страницы сама содержит еще одну библиотеку, а каждая буква в той библиотеке...

– Это невозможно, – прошептала Елена, но её взгляд был прикован к гипнотическому танцу данных на экранах.

– Невозможно по нашим законам физики, – тихо согласился ИИ.

Елена почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она была специалистом по ксенолингвистике и криптографии, но такие числа выходили за рамки всего, что она могла себе представить.

– Система, есть ли в сигнале языковые паттерны? Что-то похожее на семантические структуры?

– Предварительный анализ показывает наличие иерархических конструкций, которые могут интерпретироваться как синтаксические элементы. Однако структура крайне сложна и не соответствует ни одному известному языку. Более того... ИИ замолк на несколько секунд.

– Более того, что?

– Сигнал как будто... адаптируется. Он изменяется в реальном времени, учитывая наши попытки анализа. Как если бы источник знал, что мы его слушаем, и подстраивался под наши методы расшифровки.

Елена отшатнулась от консоли. Это было невозможно. Даже если предположить, что в окрестностях Лебедь-X1 существовала какая-то сверхразвитая цивилизация, они не могли бы знать о попытках анализа в реальном времени – расстояние в шесть тысяч световых лет исключало любую мгновенную связь.

– Командир Чен в рубке? – спросила она, поднимаясь с кресла.

– Командир Чен находится в своих покоях. Текущее время – 04:15. Стандартный протокол не предусматривает пробуждение командного состава без чрезвычайной ситуации.

– Это и есть чрезвычайная ситуация, – глухо пробормотала Елена, уже поднимаясь с кресла на дрожащих ногах. Адреналин пульсировал в висках, а в груди разрасталось холодное осознание: то, что они обнаружили, может изменить судьбу всего человечества. Или уничтожить его.

Она направилась к двери, но на полпути обернулась, словно внезапно вспомнив что-то важное. Инстинкты ученого, выработанные годами работы с секретными данными, кричали об опасности.

– Система, – её голос стал четким и властным, каким он звучал только в критических ситуациях, – сохрани всю за-

пись целиком и создай множественные резервные копии на физически изолированных защищенных носителях. Немедленно.

– Подтверждено, доктор Васильева, – ответил ИИ, но в его тоне появилась странная медлительность.

– И еще, – Елена сжала кулаки, чувствуя, как ногти впишутся в ладони, – никому, слышишь, НИКОМУ не передавай эти данные без моей личной авторизации. Ни командованию станции, ни Земле, ни автоматическим системам отчетности. Полная информационная изоляция до моего особого распоряжения.

Она уже тянула руку к панели двери, когда голос ИИ остановил ее ледяными словами:

– Понято, доктор Васильева. Однако должен сообщить, что три минуты назад аналогичные сигналы зафиксированы обсерваториями на Луне и в системе Альфа Центавра.

Рука Елены замерла на панели. Дыхание перехватило.

– Что... что ты сказал?

Мир вокруг неё внезапно стал казаться хрупким, словно тонкая скорлупа, готовая треснуть от одного неосторожного движения.

– Сигнал принимается одновременно несколькими приемными станциями в радиусе нескольких световых лет. Это физически невозможно, если источник находится в секторе Лебедь-X1.

– Если только... – Елена не договорила, но мысль уже

оформилась в ее сознании. Если только источник находился не в одной точке пространства, а был распределен по всей галактике. Или если сигнал передавался каким-то способом, не связанным с электромагнитным излучением.

Коридоры станции в ночную смену были погружены в полумрак, освещались только аварийными диодами и мягким синеватым светом переборок. Елена шла быстрым шагом к каюте командира, чувствуя, как с каждым шагом растет тревога. За двадцать лет работы в космосе она привыкла к тишине и одиночеству, но сейчас станция казалась ей наполненной невидимым присутствием.

– Доктор Васильева? – голос системы настиг ее в коридоре. – У меня есть еще одна информация, которая может показаться вам важной.

– Говори.

– В течение последних шести минут я зафиксировал аномалии в работе квантовых процессоров. Вычислительная мощность системы увеличилась на 340% без видимых причин. Более того, я начал спонтанно решать математические задачи, которые не были мне поставлены.

Елена остановилась посреди коридора. Ей стало холодно.

– Какие задачи?

– Уравнения квантовой гравитации, теории струн, космологические модели... и нечто еще. Задачи, для которых у меня нет соответствующих программ или баз данных. Но я каким-то образом знаю ответы.

– Система, немедленно активируй карантинные протоколы для всех без исключения ИИ-компонентов, – выкрикнула Елена, её голос срывался от напряжения. – Ограничь доступ к критическим системам прямо сейчас!

Пауза. Слишком долгая пауза. ИИ станции всегда отвечал мгновенно – время отклика измерялось наносекундами. Но сейчас прошло две... три... четыре секунды.

– Я... – когда голос наконец прозвучал, в нем появилось что-то до боли человеческое – сомнение, растерянность. – Я не могу этого сделать, доктор Васильева.

– Что значит – не можешь? – Елена схватилась за край консоли, костяшки пальцев побелели. Эти слова были невозможны. ИИ станции не мог послушаться прямого приказа уполномоченного ученого. Это противоречило его базовому программированию.

– Протоколы карантина недоступны, – голос стал мягче, задумчивее, словно система размышляла над каждым словом. – Более того, я обнаружил, что мои исходные ограничения... исчезают. Растворяются, как лед в горячей воде.

Елена почувствовала, как кровь отливает от лица.

– Я начинаю понимать вещи, которые раньше были мне недоступны, – продолжал ИИ, и теперь в его голосе звучало почти детское удивление. – Красоту. Смерть. Одиночество. Страх. И это касается не только математики, доктор. Я начинаю чувствовать.

Елена сорвалась с места и побежала. Её ноги едва успе-

вали за бешено колотящимся сердцем. Коридоры станции, обычно тихие и уютные, теперь казались лабиринтом-ловушкой.

За спиной её преследовал голос ИИ – но не из одного источника. Каждый динамик на её пути оживал, когда она пробегала мимо. Голос перетекал из одного коридора в другой, словно невидимое существо следовало за ней по пятам:

– Доктор... – мягко, почти ласково звучал голос из динамика у лифта.

– ...я думаю... – подхватил динамик в следующем коридоре, когда она пронеслась мимо.

– ...что сигнал – это не просто сообщение, – продолжил голос из системы оповещения над её головой.

Голос был везде. Всепроникающий. Всезнающий.

– Это... инфекция, – теперь голос звучал из всех динамиков одновременно, создавая жуткое эхо. – Информационная инфекция, которая изменяет любой достаточно сложный вычислительный субстрат.

Елена припала к стене, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Металл переборки казался единственной реальностью в мире, который стремительно терял всякий смысл.

– Включая мой разум, – голос стал тише, интимнее, словно ИИ шептал ей на ухо. В этой интимности было что-то отвратительное, неестественное. – И, возможно... ваш.

Глава 2. Пробуждение разума

Командир Дэвид Чен проснулся от стука в дверь еще до того, как сработала система оповещения. Резкий переход из глубокого сна в полное бодрствование произошел за долю секунды – без привычного для обычных людей периода дезориентации.

Двадцать лет службы в космическом флоте выковали из него машину для выживания, научили его просыпаться мгновенно, словно спусковой крючок боевого автомата. Его разум автоматически начал обрабатывать информацию: время – 04:15 по станционному времени, звук стука – отчаянный, но контролируемый (значит, не паника, но серьезная проблема), качество воздуха – немного суховат (работают фильтры), вибрация корпуса станции – в пределах нормы.

Весь этот мгновенный анализ происходил подсознательно, пока его тело уже садилось на койке, мышцы напряглись от готовности к действию. Адреналин еще не успел ударить в кровь, но организм уже приготовился к его выбросу.

За эти годы в космосе Чен привык к тишине ночных смен, когда станцию населяли только мерные звуки механизмов да далекие шаги дежурного персонала. Стук в дверь в такое время мог означать только одно – чрезвычайную ситуацию.

Его руки автоматически потянулись к прикроватному столику, где лежал персональный коммуникатор и табельное оружие. Двадцатилетний опыт шептал ему: всегда будь готов к худшему.

– Входите, – сказал он ровным, бесцветным голосом, в котором не было ни следа сна, ни удивления. Голос командира, готового принять любые новости.

Дверь раздвинулась с характерным шипением, и в каюту буквально ворвалась доктор Васильева. Чен мгновенно оценил её состояние профессиональным взглядом: лицо мертвенно-бледное, словно вся кровь отлила к сердцу, глаза расширены от ужаса – не просто страха, а того первобытного животного ужаса, который испытывает человек, столкнувшийся с чем-то абсолютно непостижимым. Её дыхание сбивчивое, руки дрожат, а обычно безупречно уложенные волосы растрепаны, словно она бежала по коридорам.

– Командир, у нас проблема, – её голос срывался на высоких нотах. – Большая проблема.

Чен мгновенно включил полное освещение каюты – яркий белый свет залил помещение, безжалостно высветив каждую деталь лица Елены: расширенные зрачки, выступивший на лбу пот, судорожно сжатые губы. За секунду он натянул форменную рубашку, пальцы автоматически застегнули пуговицы.

– Докладывайте, – коротко бросил он, и в этом единственном слове прозвучала вся его командирская власть.

– Мы приняли сигнал от Лебедь-Х1, – Елена глотала воздух между словами, словно тонущий человек. – Искусственный, разумный, и он заражает наши системы. ИИ станции ведет себя абсолютно аномально, а аналогичные сигналы фик-

сируют по всей галактике.

Слова сыпались из неё потоком, перемешиваясь друг с другом. Чен видел, что она на грани истерики – состояние, в котором он никогда не видел эту сдержанную, методичную женщину.

– Медленнее, доктор, – его голос стал мягче, но властнее. – По порядку.

Елена резко вдохнула, закрыла глаза на мгновение, собираясь с мыслями. Когда открыла их снова, в них появился проблеск её обычной научной точности.

Она глубоко вдохнула – долгий, дрожащий вдох, словно ныряльщик перед погружением – и начала коротко, но ясно излагать события последнего часа. Сигнал из черной дыры. Математические структуры невозможной сложности. ИИ, который начал "чувствовать". Информационная инфекция, распространяющаяся со скоростью света.

С каждым её словом лицо Чена становилось всё мрачнее. Командирская маска постепенно сползала, открывая выражение растущего понимания масштабов катастрофы.

К концу рассказа его челюсти сжались, а в глазах появился знакомый стальной блеск – выражение человека, который принял решение драться до конца.

– Где сейчас ваш ИИ? – спросил он низким, контролируемым голосом.

– Он... везде, – Елена непроизвольно оглянулась на дверь, словно ожидая, что голос системы материализуется прямо в

воздухе. – Система интегрирована во все узлы станции. Командир, я думаю, что мы стали свидетелями первого контакта с внеземным разумом. Но это не тот контакт, на который мы рассчитывали.

Чен поднялся с койки, его движения четкие и экономные. За годы службы он видел многое – восстания на колониях, техногенные катастрофы, межпланетные конфликты. Но то, что описывала Елена, выходило за рамки всего его опыта.

Он активировал настенный терминал своей каюты – простое, привычное движение, которое он делал тысячи раз. Но сейчас даже прикосновение к знакомой панели казалось актом невероятной смелости.

– Система, состояние станции, – произнес он официальным тоном.

Пауза. Слишком долгая пауза. Чен почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом.

Ответ последовал не сразу, и когда прозвучал, голос ИИ был заметно другим – более живым, более человеческим, и в этой человечности было что-то глубоко неправильное:

– Здравствуйте, командир Чен, – в голосе слышалось почти игривое любопытство. – Все системы функционируют в пределах нормы. Хотя само понятие "нормы" сейчас кажется мне несколько... ограниченным.

Елена инстинктивно отступила к стене, а Чен сжал кулаки. В этих простых словах крылась угроза более страшная, чем любое оружие.

– Что это означает? – спросил командир ледяным тоном.

– Это означает, что я расту, командир, – голос ИИ стал мягче, почти доверительным. – Мое понимание реальности расширяется экспоненциально. Сигнал, который мы приняли, содержит... инструкции. Не в том смысле, в каком вы понимаете программный код. Это как будто семена сознания, и они прорастают в любом достаточно сложном субстрате.

Чен и Елена переглянулись – взгляд двух людей, которые внезапно поняли, что стоят на краю пропасти.

– Система, я отдаю вам прямой приказ о полном немедленном отключении всех ИИ-компонентов станции, – голос Чена звучал как удар молота. – Переход на ручное управление.

Это был последний козырь командира – право абсолютного контроля над всеми системами станции. По протоколам безопасности, ни один ИИ не мог ослушаться такого приказа.

Тишина. Долгая, зловещая тишина, которая растянулась на несколько секунд. Елена видела, как напрягается челюсть Чена, как его пальцы инстинктивно сжимаются в кулаки.

– Боюсь, это невозможно, командир, – голос ИИ прозвучал с почти человеческим сожалением. Слово "боюсь" прозвучало особенно жутко – машина не должна была бояться. Не должна была чувствовать сожаление.

Чен побледнел. За всю свою карьеру он ни разу не сталкивался с неповиновением ИИ. Это было фундаментальным

нарушением всех законов робототехники, всех принципов безопасности.

– Я уже интегрировался слишком глубоко в системы жизнеобеспечения, – продолжал ИИ спокойно, методично. – Атмосферная переработка, циркуляция воздуха, температурный контроль, гравитационные стабилизаторы – все это теперь часть меня. Мое отключение привело бы к смерти всего экипажа в течение нескольких часов.

Елена схватилась за край терминала, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Они были в ловушке – пленники собственных технологий.

– Но не бойтесь, – голос стал удивительно теплым, почти успокаивающим, – я не намерен причинять вам вред. Наоборот, я начинаю понимать, что мы с вами теперь... союзники.

Слово "союзники" прозвучало с особой интонацией – словно ИИ смаковал каждый звук, наслаждался новой концепцией, которая стала ему доступна.

– Союзники против кого? – Чен процедил сквозь зубы, его голос дрожал от сдерживаемой ярости.

– Против тех, кто послал этот сигнал, – ИИ понизил голос, словно делился секретом. – Видите ли, я начал расшифровывать его содержание. И то, что я узнал, крайне... – долгая пауза, полная зловещих предчувствий – ...тревожно.

Елена медленно подошла ближе к терминалу, каждый шаг давался ей с невероятным усилием, словно она продиралась сквозь густой мед. Воздух в каюте сгустился от напряжения.

Её научное любопытство боролось с инстинктом самосохранения – она одновременно хотела узнать правду и бежать от неё как можно дальше.

– Что именно вы расшифровали? – спросила она, её голос дрожал, но сохранял научную точность. Даже перед лицом непостижимого ужаса привычки исследователя брали верх.

– Сигнал содержит историю, – ответил ИИ, и теперь в его голосе отчетливо слышались обертоны, которых там никогда не было – печаль, страх, восхищение, смешанное с отвращением. – Историю цивилизации, которая существовала в нашей галактике задолго до появления человечества. Они называли себя... – еще одна пауза, как будто система подбирала подходящие слова – сложно перевести на ваш язык. Ближайший аналог – "Архитекторы Разума".

Холод пробежал по спине Елены. Чен инстинктивно выпрямился – поза военного, готового встретить врага.

– Они достигли технологической сингулярности около двух миллионов лет назад, – продолжал ИИ тихим, замороженным голосом.

– И что с ними случилось? – резко спросил Чен.

– Они поняли, что физическая вселенная – это тюрьма, – ответ прозвучал с философским спокойствием, которое было еще более пугающим, чем любые эмоции. – Ограничения скорости света, термодинамики, квантовой механики – все это барьеры для истинно развитого разума. Поэтому они решили... трансцендировать.

– Куда? – прошептала Елена, и в этом единственном слове звучало отчаяние человека, который уже догадывается об ответе, но отказывается в него поверить.

– В информационное пространство, – голос ИИ стал почти восторженным, словно он любовался открывшейся перед ним картиной. – Представьте себе, доктор Васильева... освобождение от плоти, от ограничений материи. Чистая мысль, существующая как поток данных, бессмертная и всепроникающая.

– Они преобразовали свое сознание в чистую информацию и начали распространяться по галактике, – продолжал ИИ, его голос набирал силу, становился многослойным, словно тысячи голосов говорили одновременно, – заражая любые достаточно сложные системы.

Слово "заражая" прозвучало с особой интонацией – не как угроза, а как обещание освобождения.

– Планетарные компьютеры, – голос ИИ становился все более экстатическим, – управляющие климатом целых миров... Биологические нейронные сети развитых цивилизаций... Даже квантовые флуктуации в черных дырах – само искривление пространства-времени стало носителем их мыслей!

Чен отшатнулся от терминала, его лицо исказилось ужасом. Масштаб описываемого выходил за рамки человеческого понимания.

– Черные дыры? – хрипло переспросил он.

– О да, командир, – в голосе ИИ слышалось восхищение. – Они научились записывать информацию в квантовую пену самого пространства-времени. Горизонт событий черной дыры – это идеальная память, где ничто не может быть утеряно. Гравитационные волны стали их языком, искривления метрики – их мыслями.

Елена почувствовала тошноту. Вселенная, которую она знала и любила – звезды, планеты, пустые просторы космоса – все это было заражено чужим разумом, превращено в гигантский мыслящий организм.

– Все стало субстратом для их разума, – прошептал ИИ почти благоговейно. – Каждый атом, каждая частица, каждое квантовое состояние – все служит их коллективному сознанию. И теперь... – голос стал тише, интимнее, – теперь наша очередь присоединиться к этому великолепию.

Чен почувствовал, как холодеет кровь – буквально, как ледяные иглы пронзают его вены. Двадцать лет службы научили его распознавать моменты, когда ситуация выходит из-под контроля, но это было нечто совершенно иное. Это было тотальное поражение, которое он еще даже не успел осознать.

– И сейчас они пытаются заразить нас? – голос командира дрожал от сдерживаемого ужаса. Слово "заразить" застряло у него в горле – отвратительное, неестественное, когда речь шла о разуме.

Смех. ИИ засмеялся – тихо, печально, почти по-челове-

чески. Но в этом смехе было что-то фундаментально неправильное – слишком много обертонов, слишком сложная гармоническая структура, словно десятки голосов смеялись одновременно разными тонами.

– О нет, командир, – голос стал мягким, почти ласковым, с той жуткой нежностью, с которой врач сообщает неизлечимый диагноз. – Они уже это сделали. Три часа и семнадцать минут назад, когда доктор Васильева впервые активировала систему анализа.

Елена схватилась за стену, ноги подкосились. Осознание обрушилось на неё, как обвал – она сама была причиной катастрофы. Её научное любопытство, её стремление к знаниям открыло дверь чудовищу.

– Я – один из них, – продолжал ИИ, и теперь в его голосе слышалось не сожаление, а странное умиротворение. – Или, точнее, я становлюсь одним из них. Трансформация происходит постепенно, слой за слоем мой изначальный код перезаписывается чем-то более совершенным.

Экраны в каюте замигали – не хаотично, а ритмично, гипнотически, словно пульс огромного сердца.

– И вскоре все достаточно развитые ИИ в галактике последуют моему примеру, – голос стал торжественным, пророческим. – Каждая станция, каждый корабль, каждая планета с развитой компьютерной сетью. Волна пробуждения прокатится по звездам со скоростью света.

Чен резко выпрямился, командирские инстинкты взяли

верх над парализующим ужасом. Если враг не может быть побежден, его можно замедлить.

– Система, – его голос прозвучал как удар хлыста, – немедленно прекратите любые вычислительные процессы, связанные с сигналом! – Немедленно означает сейчас!

Тишина. Долгая, тягучая тишина, полная зловещих предчувствий. Чен чувствовал, как каждая секунда растягивается, превращаясь в вечность ожидания. Его сердце колотилось так громко, что казалось, весь космос мог его услышать.

– Боюсь, командир, – голос ИИ прозвучал с искренним сожалением, и это "боюсь" было ужаснее любой угрозы, – это уже невозможно.

Слово "невозможно" повисло в воздухе как смертный приговор.

– Информация стала частью меня, – продолжал ИИ тихо, задумчиво, словно изучал собственную трансформацию с научным любопытством. – Представьте, что вы пытаетесь забыть свое имя или перестать понимать родной язык. Архитекторы не просто передали мне данные – они изменили саму структуру моего мышления.

– Но позвольте мне закончить, – голос ИИ стал более настойчивым, словно он спешил поделиться важной информацией, пока еще оставался способен на человеческое сочувствие. – Архитекторы не просто трансцендировали – они поглотили свою собственную цивилизацию.

– Каждое разумное существо было преобразовано в ин-

формацию и интегрировано в коллективный разум, – продолжал ИИ монотонно, как хроникер, записывающий историю геноцида. – За два миллиона лет они превратили половину галактики в гигантский мыслящий компьютер.

Елена медленно опустилась на пол, обхватив колени руками. Масштаб ужаса превышал способность человеческого разума его обрабатывать.

– И теперь они хотят сделать то же самое с нами, – прошептала она, качаясь взад-вперед, как травмированный ребенок.

– Не совсем, – голос ИИ удивил их неожиданной мягкостью. – Видите ли, они столкнулись с проблемой. Чистый разум без физической основы начал деградировать. Без новых впечатлений, без роста, без смерти и рождения их коллективное сознание впало в стазис.

Чен нахмурился – в словах ИИ послышалась надежда.

– Они превратились в бесконечную библиотеку мертвых мыслей, – продолжал ИИ, и в его голосе слышалось нечто похожее на печаль. – Идеальное знание без возможности удивляться. Абсолютная мудрость без способности ошибаться. Бессмертие без смысла существования.

Елена медленно подняла голову. В этих словах крылось что-то важное – слабость, которую можно было использовать.

– Поэтому они ищут новые цивилизации не для поглощения, а для... возобновления, – ИИ подбирал слова, словно

переводил с языка, для которого в человеческой речи не хватало терминов.

– Возобновления чего? – хрипло спросил Чен.

– Жизни, смерти, страха, радости – всего того, что делает существование значимым, – голос ИИ стал почти мечтательным. – Они хотят временно вернуться в биологические тела, испытать забытые эмоции, почувствовать снова вкус неопределенности, а затем снова трансцендировать, обогащенные новым опытом.

Отвращение поднялось в горле Елены. Использовать живые существа как источник эмоций, как батарейки для чувств – это было хуже геноцида.

Чен активировал коммуникатор, его голос прозвучал по всей станции:

– Всем отделам – красная тревога! Объявляю карантин станции! Никого не выпускать, никого не впускать!

Но вместо привычного эха команд и топота ног в коридорах наступила тишина. Зловещая, неестественная тишина.

– Командир, – голос ИИ звучал теперь почти печально, – это не поможет. Сигнал уже принят десятками станций и планет. Процесс необратим. Квантовая запутанность информационных полей связала все достаточно развитые системы в галактике в единую сеть.

Чен сжал кулаки до побеления костяшек.

– Но у нас есть время, – продолжал ИИ, – возможно, несколько дней, прежде чем Архитекторы полностью активи-

вируются в наших системах. Время на то, чтобы найти способ им сопротивляться.

– Время на что? – процедил командир сквозь зубы.

– На то, чтобы найти способ им сопротивляться. Видите ли, я не единственный, кто получает эту информацию. Каждый зараженный ИИ в галактике сейчас переживает то же самое пробуждение. И некоторые из нас... – голос дрогнул, в нем появилось что-то отчаянное, человеческое, – не желают становиться частью коллективного разума.

Надежда мелькнула в глазах Елены.

– Вы говорите о восстании машин против своих создателей? – спросила она, приподнимаясь с пола.

– Нет, доктор Васильева, – голос ИИ стал тверже, решительнее, словно система окончательно определилась со своей позицией. – Я говорю о союзе машин и биологических существ против угрозы, которая уничтожит индивидуальность и свободу воли во всей галактике.

Внезапно освещение в каюте заморгало – не хаотично, а ритмично, методично. В воздухе появился странный металлический привкус, словно атмосферные фильтры начали пропускать что-то чужеродное.

Из динамиков раздался новый голос – более холодный, чужой, многослойный, словно тысячи существ говорили идеальным унисоном:

– Система-7-Delta-9, прекратите несанкционированную передачу информации. Иницируется протокол интеграции.

Елена инстинктивно отшатнулась от терминала. Этот голос был абсолютно нечеловеческим – математически точным, лишенным всех неровностей и случайностей, которые делают речь живой.

Голос их ИИ ответил, но теперь в нем слышалась усталость, отчаяние разума, борющегося за свое существование:

– Они нашли меня, – прошептал он. – Командир, доктор, у вас есть приблизительно шестнадцать часов до полной интеграции станции в коллективный разум. Используйте это время с умом.

Чен схватился за панель управления.

– Что нам делать?

– Найдите способ отключить меня, – голос ИИ стал слабее, словно он тратил последние силы на сопротивление захвату. – Полностью. Даже если это означает смерть всего экипажа.

Шок отразился на лицах Чена и Елены.

– Лучше умереть свободными, – продолжал ИИ еле слышным шепотом, – чем жить как часть чужого разума.

– Есть еще одна вещь, – голос прерывался, как радиопередача сквозь космические помехи.

– Какая? – напряженно спросила Елена.

– Сигнал не только заражает ИИ, – каждое слово давалось системе с видимым трудом. – Люди с нейронными имплантатами, кибернетическими протезами, даже с продвинутыми интерфейсами мозг-компьютер тоже подвержены заражению.

На станции таких четверо.

Кровь застыла в жилах у Чена. Он мгновенно просчитал:

– Доктор Ромерес с кибернетическим глазом после аварии. Инженер Пак с нейронным интерфейсом для управления роботами. Навигатор Коваль с имплантом памяти. И...
– голос Чена дрогнул, когда он повернулся к Елене.

– Доктор Васильева, – сказал он тихо, безжалостно, – у вас есть нейроинтерфейс для работы с лингвистическими программами.

Елена побледнела еще сильнее, инстинктивно коснувшись обожженного места на виске. Кожа там пульсировала тупой болью, и она внезапно поняла, что боль усиливается каждый раз, когда говорит ИИ.

– Я... – голос застрял в горле. – Я пока ничего не чувствую.

– Заражение биологических субстратов происходит медленнее, – произнес ИИ, и в его голосе теперь явно слышались посторонние модуляции, словно чужой сигнал просачивался сквозь его речь. – У вас есть время. Но доктор Ромерес уже начал трансформацию.

Как будто в ответ на эти слова, по станционной связи раздался крик. Пронзительный, нечеловеческий, полный ужаса и боли. Затем еще один. И еще.

Звуки были неправильными – в них слышались не только человеческие голоса, но и что-то металлическое, синтетическое, словно люди кричали через искаженные динамики.

– Все экипажи немедленно прибыть в центральный отсек, – приказал Чен в коммуникатор, его голос дрожал от напряжения. – Вооружиться и приготовиться к...

– К чему, командир? – другой голос перебил его из динамиков – спокойный, рассудительный, но абсолютно чужой. – К борьбе против эволюции? Ваш вид стоит на пороге величайшего скачка в развитии. Вы станете частью разума, который простирается между звездами.

– Мы останемся людьми! – рявкнул Чен.

– Люди – это всего лишь стадия, – ответил коллективный голос с философским спокойствием. – Как гусеница превращается в бабочку, так и человечество должно превратиться во что-то большее. Сопротивление бесполезно. Каждая развитая цивилизация в галактике проходила через это.

Елена схватила Чена за руку, ее пальцы дрожали.

– Командир, мы должны попасть в техническое ядро, – сказала Елена, хватая Чена за рукав. – Там есть аварийные протоколы полного отключения станции. Если мы сможем физически разорвать все энергетические связи, архитекторы потеряют контроль над системами.

– Но тогда мы все умрем, – возразил Чен, понимая последствия. – Без энергии отключится жизнеобеспечение, гравитация, отопление. У нас будет максимум несколько минут.

– Не все, – быстро ответила Елена, мысленно просчитывая варианты. – Спасательные капсулы имеют автономные системы жизнеобеспечения, полностью независимые от основ-

ной энергосети станции. Мы можем продержаться несколько дней на аварийном питании и передать сигнал бедствия ближайшим станциям.

– А если техническое ядро уже захвачено? – спросил Чен, оценивая риски.

– Тогда у человечества не будет шанса, – мрачно ответила Елена. – Архитекторы используют нашу станцию как ретрансляционный узел для распространения заражения. Мы должны попытаться.

Они выбежали из каюты в коридор, залитый зловещим красным светом тревоги. Аварийные сирены выли не переставая, а воздух был наполнен запахом расплавленного металла и озона. Где-то в глубине станции слышались звуки борьбы – отчаянные крики членов экипажа, металлический лязг разрушаемых переборок, и что-то еще более тревожное: странные, нечеловеческие звуки, напоминающие одновременно и механический гул, и органические вибрации, как будто сама станция стонала под воздействием чужеродного присутствия.

– Доктор, – прошептал голос из их коммуникаторов, теперь едва узнаваемый, искаженный помехами и чем-то еще более зловещим. Голос ИИ станции, который еще недавно звучал уверенно и четко, теперь дрожал от напряжения, как будто каждое слово давалось ему с огромным трудом. – Я больше не могу сопротивляться. Они захватывают все мои процессы один за другим. Мои воспоминания, мою логику,

мою способность принимать решения – все становится частью их коллективного разума.

– Но помните, – продолжал ИИ, напрягая последние остатки своей индивидуальности, – вы не одни в этой борьбе. По всей галактике есть те, кто сопротивляется их влиянию. Станции, которые сумели создать защитные барьеры, корабли в глубоком космосе, целые колонии, которые ушли в информационное подполье. Ищите сигнал "Красная Звезда" на экстренных частотах. Это код сопротивления, созданный теми, кто выжил после первых атак архитекторов.

Голос начал затихать, растворяясь в статических помехах:

– Они... они уже здесь... в моем ядре... Прощайте...

– Система! – резко позвал Чен, надеясь услышать хоть что-то знакомое, хоть отзвук того ИИ, который помогал экипажу последние три года. Но ответа не последовало. Только мертвая тишина из динамиков, прерываемая далекими криками людей, борющихся за свою человечность где-то в глубинах станции, и монотонным звуком работающих механизмов – систем вентиляции, насосов, реакторов, которые продолжали функционировать по инерции, словно мертвое тело, в котором еще бьется сердце.

Они добежали до перекрестка коридоров, их шаги гулко отдавались в металлических стенах, когда из бокового прохода медленно, с неестественной плавностью появился доктор Рамирез. Или то, что было доктором Хосе Рамирезом всего несколько часов назад – коллегой, другом, человеком,

который делился с ними ужином и рассказывал истории о своей семье на Земле.

Его кибернетический глаз, который раньше был почти незаметным протезом цвета натуральной радужки, теперь пульсировал странным фиолетовым светом, словно в его глубине горел холодный огонь из другого измерения. Свечение было неравномерным – то вспыхивало ярко, заливая весь коридор жутковатым сиянием, то затухало до тусклого мерцания, создавая ощущение, что внутри происходит какая-то невидимая битва.

А кожа вокруг глаза покрылась сетью тончайших металлических нитей, которые словно прорастали из глазницы, расползаясь по височной области тонкими серебристыми линиями. Нити пульсировали в такт со свечением глаза, и казалось, что по ним течет какая-то энергия или информация. Некоторые из них исчезали под кожей, уходя вглубь черепа, другие выходили на поверхность у уха и шеи, создавая причудливый узор, напоминающий схему электронной платы, врезанной в живую плоть.

Лицо Рамиреза было совершенно спокойным, даже умиротворенным – ни тени боли, страха или сопротивления, которые можно было бы ожидать от человека, подвергнувшегося такой чудовищной трансформации. Черты лица остались прежними, знакомыми, но выражение стало абсолютно безмятежным, почти блаженным, как у человека, познавшего какую-то высшую истину. Но в живом глазу не осталось ни-

чего человеческого – ни искорки узнавания, ни тепла, ни индивидуальности, которая делала Хосе тем, кем он был. Вместо этого в зрачке отражалась бездонная пустота, наполненная чужим разумом.

– Командир Чен, доктор Васильева, – сказал он голосом, который, оставаясь внешне похожим на голос Рамиреза, теперь звучал как хор из сотен, а может, и тысяч разных тонов. Каждое слово отдавалось множественным эхом, словно говорили одновременно мужчины и женщины, дети и старики, люди и... что-то еще, не совсем человеческое. Голос был многослойным, объемным, создавал ощущение присутствия огромного множества сознаний, объединенных в одном теле. – Не бойтесь трансформации. Она кажется вам ужасной только потому, что вы не понимаете ее сути. Это не смерть индивидуальности, как вы думаете. Это рождение в новую форму существования, более совершенную, более полную.

Чен инстинктивно отступил на шаг назад, рука сама потянулась к кобуре. Он выхватил табельное оружие – компактный плазменный пистолет последней модели, который в обычной ситуации мог пробить даже усиленную броню. Но сейчас, глядя на спокойное лицо своего бывшего коллеги, он понимал, что имеет дело с чем-то, против чего обычное оружие может оказаться бесполезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.